

От автора мировых бестселлеров
«ТАТУИРОВЩИК ИЗ ОСВЕНЦИМА» и «ДОРОГА ИЗ ОСВЕНЦИМА»

Это книга
о том, как черпать
вдохновение
в повседневной
жизни.

ИСТОРИИ НАДЕЖДЫ

Истории – это то, что нас связывает
и напоминает нам, что надежда всегда есть.

Хезер Моррис

ХЕЗЕР МОРРИС

Азбука-бестселлер

Хезер Моррис

**Истории надежды. Как
черпать вдохновение
в повседневной жизни**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Моррис Х.

Истории надежды. Как черпать вдохновение в повседневной жизни
/ Х. Моррис — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-19708-4

В книге «Истории надежды» Хезер Моррис ярко и живо повествует о своем детстве, семье и о своей работе в крупном медицинском центре Мельбурна, где она училась применять на практике умение правильно слушать людей, чтобы помочь им переосмыслить самые тягостные события их жизни. В частности, одна из таких историй, а именно рассказ Лале Соколова о его пребывании в Освенциме, была впоследствии положена Моррис в основу романа «Татуировщик из Освенцима». Данное произведение – это вдохновляющий путеводитель по жизни для каждого из нас. В нем рассказывается о замечательных людях, об их невероятных историях и об уроках, которые мы можем из них извлечь. Впервые на русском языке! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-19708-4

© Моррис Х., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Введение	7
1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хезер Моррис

Истории надежды: Как черпать вдохновение в повседневной жизни

Heather Morris

STORIES OF HOPE

Copyright © Heather Morris, 2020

First published in the English language as Stories of Hope by Manilla Press, an imprint of Bonnier Books UK

Published in Russian by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Books UK

The moral rights of the author have been asserted

All rights reserved

© И. В. Иванченко, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Хезер Моррис родилась в Новой Зеландии, но в настоящее время живет в Австралии. В течение нескольких лет, работая в большой государственной больнице в Мельбурне, она писала киносценарии, один из которых был удостоен премии «Оскар» в США.

В 2003 году Хезер представили пожилого джентльмена, который мог бы рассказать историю, заслуживающую внимания. День, когда она познакомилась с Лале Соколовым, изменил жизнь обоих. Их дружба крепла, и Лале посвятил Хезер в самые сокровенные подробности своей жизни в Освенциме. На основе его рассказа Хезер написала книгу «Татуировщик из Освенцима», ставшую одним из бестселлеров XXI века и проданную по всему миру тиражом 6 000 000 экземпляров. Ее следующий роман «Дорога из Освенцима» продан тиражом более 1 000 000 экземпляров.

* * *

Истории – это то, что нас связывает и напоминает нам, что надежда есть.
Хезер Моррис

Демонстрируя свой талант слушателя, Хезер Моррис, автор книги «Татуировщик из Освенцима», представляет истории замечательных людей, которых она встретила на своем писательском пути... Замечательно, трогательно.
Woman&Home

«Истории надежды. Как черпать вдохновение в повседневной жизни» – это книга об искусстве слушать и его способности вселять надежду. Исследуя рассказы людей, с которыми она встречалась на протяжении многих лет, Моррис делится их историями и тем, что мы можем извлечь из них. Это сострадание, понимание, терпение, стойкость и смелость.

Culture Fly

В глубоко трогательных, скромных и наполненных мудростью «Историях надежды» автор всемирно известных романов «Татуировщик из Освенцима» и «Дорога из Освенцима» исследует крайности человеческого поведения.
Waterstone

* * *

Кристоферу Чарльзу Берри, моему прадеду, человеку, впервые научившему меня слушать.

Сотрудникам экстренных служб во всем мире, которые бесстрашно сражаются, чтобы защитить нас во время этой пандемии, давая нам надежду на лучшее будущее.

Персоналу, пациентам и их родным, с которыми я имела честь работать и общаться во время пребывания в Медицинском центре Монаша в Мельбурне. Вы научили меня заботиться о ближнем.

Введение

Первое января 2020 года. Начинается новый день, новый год, новая декада. Надежда на то, что для нас – для каждого человека в отдельности и для мирового сообщества – это будет хороший год. Говоря словами Лале Соколова, моего дорогого друга, человека, необычайную историю которого я рассказала в «Татуировщике из Освенцима»: «Если утром просыпаешься, значит это хороший день». Возможно, новогодние обещания, как новые, так и прошлых лет, мы шепотом сообщаем нашим близким и родным, ведь если поделиться с кем-нибудь своими надеждами и мечтами на этот год, то у них больше шансов осуществиться.

Погасли фейерверки прошедшей ночи, увиденные на улице или по телевизору, с вечеринок разошлись гости, люди лечатся от похмелья. Я живу в Мельбурне, на восточном побережье Австралии. В этом году празднования были более скромными, чем обычно. Во многих местах фейерверки не устраивались. Мы, как принято, загадывали желания, давали себе обещания, но без особого энтузиазма. Все были обеспокоены лесными пожарами, которые начались примерно за неделю до Нового года и которые никак не удавалось обуздать. Фактически ситуация заметно ухудшалась.

На следующей неделе некоторые города оказались разрушенными до основания, горели дома, гибли люди. Флора и фауна испытывали на себе опустошительный удар. Во всем мире культовые символы Австралии – кенгуру и коала – превращались в символы гибели и отчаяния. Новая Зеландия, Канада и Соединенные Штаты прислали своих пожарных в помощь для борьбы с национальным бедствием. Трое из них не вернулись домой – они погибли при крушении самолета, участвовавшего в тушении пожаров с воздуха.

Для помощи пострадавшим мировые знаменитости делали крупные пожертвования. Для сбора денежных средств дети во время летних каникул продавали на улице печенье. За нас молилась королевская семья Великобритании. В Австралию приехали артисты со всего света, чтобы принять участие в грандиозных живых концертах. Для помощи пострадавшим были основаны благотворительные фонды, в которые поступали миллионы и миллионы долларов.

На протяжении нескольких недель казалось, ничто не может остановить этот чудовищный огненный ад, в который вливались более мелкие пожары, спускающиеся с гор к морю. Готовься к худшему, надейся на лучшее. В данном случае этим лучшим мог быть ливень библейских масштабов. Все мы молились о дожде. В конце концов именно это и произошло. Небеса разверзлись – дождь лил несколько дней, потушив многие пожары. Потоп на растрескавшейся почве в свою очередь привел к опустошению, вызывая оползни в областях, ослабленных из-за гибели деревьев, укреплявших грунт. Небольшие поселения страдали теперь от наводнений, губивших домашний скот, разрушавших дома.

События в Австралии в январе 2020 года вызвали отклик во всем мире, и не потому, что подобного больше нигде не случается, а потому, что в начале нового десятилетия Австралия, расположенная в Южном полушарии, была единственной страной, в которой бушевали пожары. Северное полушарие еще не совсем оправилось после собственного адского лета. Но худшее было еще впереди. Именно в это странное и тревожное время мы впервые услышали слово «коронавирус» или «COVID-19».

С тех пор мир изменился безмерно, невероятно, непостижимо. Мы все столкнулись с пандемией неизвестных масштабов, худшим, что пришлось пережить ныне живущим. Каждый человек в отдельности и группы людей испытывают невероятный стресс. Потеря работы. Разводы. Болезнь, на выздоровление от которой подчас уходит много времени. Если только человек выздоравливает. Смерть. При современном уровне развития СМИ и активном общении в соцсетях мы сразу узнаем о драматичных случаях. Эти сообщения у нас перед глазами. Мы могли бы не замечать их, но ловим себя на том, что возвращаемся к ним, испытывая потреб-

ность отслеживать, как разворачиваются несчастья. Мы сплотились, но в то же время отдаляемся друг от друга. Стремясь приглушить душевные и физические страдания, некоторые из нас принимают позу эмбриона.

Мы стараемся заботиться друг о друге. В конце концов, мы в каком-то смысле стадные животные, тяготеющие к человеческим связям и контактам. В изменяющихся жизненных условиях мы ищем радость. Улыбка маленького ребенка, которому неведомы проблемы выживания, может стать в период эмоционального упадка мощным жизненным стимулом. Для многих из нас необходимость выбраться из кровати, чтобы накормить домашнего питомца, помогает пережить день. Изоляция может оказать и оказывает на многих из нас губительное действие. Где моя стая? Где мое племя? Помните вот что: они здесь, как и вы, в ожидании дня, когда мы сможем сказать: «Вместе мы это преодолели. Мы стали сильнее». Поток мемов, напоминающих нам о том, что наши деды прошли ради нас войну, а от нас лишь требуется сидеть на диване и смотреть телевизор, превращает в посмешище переживания многих людей, вынужденных находиться в изоляции. Как постоянно говорил мне Лале: «Все, что от тебя требуется, – проснуться утром». Может быть, от нас ныне требуется проснуться не только в буквальном смысле.

А может быть, наша планета просит нас немного притормозить? Разве она не взывает к нам уже не один десяток лет о том, чтобы мы лучше заботились о ней? Сколько еще предостережений должна она сделать, прежде чем мы начнем прислушиваться? Многие уже прислушиваются. Почти в каждой стране последние года два набирает силу непрекращающаяся борьба между правительством и учеными по поводу воздействия на изменения климата. Во главе движения встают потрясающие энтузиасты, как молодые, так и пожилые, которые пытаются донести до властей, до каждого из нас, что пора замолчать и прислушаться к голосу планеты.

COVID-19 – общий враг, не делающий различий в зависимости от религиозных или политических взглядов, сексуальной ориентации, расы или возраста. Его воздействие испытывают люди во всем мире. И все же перед лицом этого неизвестного нового врага производимые нами изменения приносят неожиданную позитивную пользу. По прошествии только нескольких недель этого кризиса мы получили сообщения о более чистом воздухе и снижении уровня загрязнения в китайских и многих европейских городах. Пока мы были вынуждены оставаться дома, очистилось небо, как и вода в реках. Мы смогли взглянуть на то, что нас ожидает вовне.

Записывая эти строчки, я смотрю из окна на улицу. Сегодня я вижу не машины и фургоны, а людей. Мужчин и женщин всех возрастов, многие с детьми, а чаще с собаками. Они идут по улице, они беседуют. Я это вижу. Они слушают. Собаки лают на других собак, скрытых от глаз заборами, но обнаруживающих свое присутствие. И хотя люди соблюдают социальную дистанцию, они признают присутствие друг друга. Многие останавливаются, чтобы перекинуться несколькими словами. О чем говорит мне такое взаимодействие? Впервые на нашей памяти у нас появилась общая цель. Общий враг, который будет повержен, если каждый внесет свою лепту.

Из окна я наблюдаю, как к соседнему дому подъезжает минивэн и молодая девушка достает из него коробку с продуктами. Я улыбаюсь при виде торчащего из коробки французского багета, словно это сценка из голливудского фильма. Я смотрю, как девушка стучит в дверь, ставит коробку на крыльцо и отходит в сторону. Вероятно, пожилая женщина из этого дома заметила подъехавшую машину, потому что дверь сразу же открывается. Я слышу, как она вновь и вновь повторяет слова: «Спасибо вам, спасибо». В ее голосе чувствуется искренняя радость. Широко улыбаясь, девушка говорит: «Не за что. Увидимся через два дня» – и упархивает к минивэну.

Размышляя над этим эпизодом, я поймала себя на том, что думаю не о пожилой женщине, а о той девушке. Стала ли она волонтером, потому что потеряла работу? Не студентка ли она

университета, в котором прекратились занятия? Откуда взялись принесенные ею продукты? Это пожертвования или она сама за них заплатила?

Нам не дано знать, что происходит в жизни других людей, за исключением жизни наших родных и друзей. Что заставляет человека проявлять сострадание и щедрость? Почему некоторые из нас неадекватно реагируют на предложение помощи, набрасываясь на человека и даже оскорбляя его? Работая в больнице, я много раз наблюдала подобную реакцию. Часто сталкиваются с этим моя дочь и ее муж, оба полицейские. И вновь я напоминаю себе, что нельзя судить о человеке, пока не побываешь в его шкуре. В середине текущего года жестокое убийство Джорджа Флойда полицейским в Соединенных Штатах вызвало волну возмущения, когда люди требовали признать, что жизнь чернокожего чего-то стоит. Я вспоминаю слова Лале: «Не имеет значения цвет кожи, религия, этническая принадлежность, сексуальная ориентация человека. У нас всех кровь одного и того же цвета». Он это понимал. Мы все – человеческие существа.

В настоящий момент затруднительно даже предлагать свои услуги в качестве волонтера, поскольку мы должны соблюдать социальную дистанцию. Многие хотят это делать, испытывают в этом потребность и помогают по мере возможности. Особенно тяжело переносят изоляцию одинокие люди. Жаль, что та девушка, которую я увидела, не могла войти в дом пожилой женщины, помочь разобрать продукты, может быть, выпить чашку чая и поговорить с ней. Тяжело лишиться общения с близкими людьми, родными, внуками – никто не обнимет, не поцелует.

В процессе приспособления к воздействию COVID-19 в ближайшие месяцы, а может быть, и годы нам всем придется сделать шаг назад, придется попридержать язык. Главным последствием эпидемии во всех странах становится безработица и сопутствующие проблемы. Не все люди смогут вернуться к своей профессии, необходимо изыскивать новые формы обучения и профессиональной деятельности. Как мы знаем по опыту Великой депрессии, семьи испытают на себе огромный удар. Тем не менее мы знаем, что приспособимся, найдем другой образ жизни. Он может оказаться отличным от прежнего, может стать лучше. Наше глобальное мироощущение, вероятно, на время сузится до масштабов общины и округа, в которой мы живем. В этом необязательно видеть лишь отрицательную сторону. Возобновляя общение, делаясь своими историями о том, как справлялись с пандемией 2020 года, мы будем слушать и узнавать, смеяться и плакать. Мир для нас станет другим и во многих отношениях более темным, но он может также стать и лучшим. Сейчас такое время, когда надо постараться принять то, что нам предстоит, избегать ностальгии по прошлому и быть открытым к неизбежным изменениям, которые ожидают всех нас.

Да, когда мы победим COVID-19, возродится промышленность, и для осуществления этого нам потребуется много энергичных людей. И тогда, может быть, нам следует, сделав глубокий вдох, задаться вопросом: не лучше ли для нашего производства вновь вернуться в режим онлайн, чтобы уменьшить вредные выбросы и в конечном итоге совсем их устранить? Если у нас хватит разума для борьбы с COVID-19, то должно его хватить, чтобы воспользоваться этой возможностью и постараться сделать планету более экологически чистой. Постепенно становится понятным то воздействие, которое COVID-19 оказывает непосредственно на климатические изменения, и за весьма короткий промежуток времени у нас открылись глаза на то, насколько быстро мы способны создать более чистую, безопасную окружающую среду. Вероятно, нам пора остановиться и прислушаться к тому, что пытается донести до нас планета. Ее еще можно спасти, но самой ей этого не сделать. Мы, живущие на ней, должны ей помочь. Мы должны прислушаться к нашей планете.

В «Историях надежды» я размышляю о способности услышать, о том, как, прислушиваясь к другим людям, мы найдем вдохновляющие моменты в повседневной жизни.

В тот день, когда я познакомилась с Лале Соколовым, а это было спустя несколько недель после смерти его жены, он сказал мне, что надеется успеть за оставшееся ему в жизни время рассказать свою историю. Каждый раз, как я стучалась в его дверь, он говорил, что хочет быть не со мной, а с Гитой. Эти слова он говорил постоянно, но однажды признался, что теперь надеется прожить столько, чтобы он успел рассказать, а я успела выслушать и записать его историю.

Тогда у меня не было для этого навыков. И хотя в то время я об этом не думала, у меня была лишь способность слушать, причем, честно говоря, способность слушать активно. Ежедневно я ездила на работу в департамент социальной службы крупной больницы в Мельбурне. Там я общалась с пациентами, членами их семей, сиделками и другими медицинскими работниками. Они говорили, я слушала. Часто они не знали, о чем говорить или как высказать свои мысли и чувства – да, скорее чувства, чем мысли. Но это не имело значения. Я молча слушала, давая им понять, что никуда не спешу, что пришла, чтобы их выслушать и по возможности помочь. И тогда они находили слова. Я считала для себя привилегией быть тем человеком, с которым разговаривают незнакомые люди и который в состоянии иногда изменить что-то в тяжелые периоды их жизни.

В настоящее время моя привилегия выслушивать истории дается мне читателями «Татуировщика из Освенцима» и «Дороги из Освенцима». Я в восторге от эмоций, которые изливают на меня читатели. Я тронута тем, что истории Лале и Сесилии (Силки) Кляйн нашли отклик у многих людей, оказали заметное влияние на мужчин и женщин, пожилых и молодых, по всему миру и помогли им в трудные минуты их жизни. Искренне надеюсь, что, когда они пишут мне о том, что хотели бы проснуться на следующее утро и на следующее, в этом есть и моя заслуга. Я не вижу своих читателей и не прикасаюсь к ним, но часто представляю их себе, а также их жилища. Читая письма людей, я продолжаю их слушать.

Ко мне пришло осознание того, что уметь слушать – это особое искусство, и я тешу себя надеждой, что, прочтя эту книгу, вы захотите освоить его. Обещаю, что в этом случае вы сами изменитесь благодаря услышанным историям – и изменитесь в лучшую сторону. Только слушая рассказы других людей, мы учимся сопереживать им, даем им слово, дарим надежду, что нам есть до них дело. Наше живое участие будет поощрять их к откровенности, заставит поделиться с нами своей болью.

Далее в своем повествовании я поделюсь с вами воспоминаниями о том, с каким удовольствием я когда-то слушала своего любимого прадеда, и расскажу, как многому можно научиться, прислушиваясь к старшим. Я поговорю также о том, как важно слушать детей. Я сама мать и бабушка. Я не претендую на роль идеальной родительницы – мои дети с этим согласятся! – но полагаю, что узнала кое-что важное, слушая детей и признавая важность их мыслей и чувств, пусть в то время они могли показаться мелкими или тривиальными. Я поделюсь с вами и другими историями, услышанными от Лале, а также тем, чему научило меня общение с этой редкой души человеком. Расскажу я и о том, что узнала от многих других людей, отважившихся поведать мне глубоко личные истории о волнующих периодах своей жизни. Поделюсь с вами самым суровым из всех усвоенных мной уроков: что превыше всего необходимо прислушиваться к *себе*.

В этой книге я хочу предложить вам ряд мыслей на тему о том, как слушать активно. Слушая людей и узнавая что-то об их жизни, вы тем самым даете им надежду. В этой цепочке восприятия и рассказывания историй нет начала и нет конца. Эти истории никому не принадлежат, и жизненный опыт одного человека нельзя считать более ценным, чем опыт другого. Каждый опыт уникален, и, слушая разные истории, мы все сможем обрести чуть больше мудрости, проявить чуть больше сочувствия и понимания и в то же время обогатить собственную жизнь опытом других людей.

Помимо жизненного опыта, у меня нет других оснований советовать кому-нибудь, как прожить свою жизнь или какой путь из нескольких избрать. И я не привержена какой-либо вере или религии. Все, что я могу предложить, – это уроки, почерпнутые из историй других людей, которые мне посчастливилось услышать и которые я слушала с большой охотой. Просто? Да, просто. Попробуйте и вы.

1

Прислушиваясь к мудрости старших

Прислушивайтесь к советам своих старших не потому, что они всегда правы, а потому, что у них больше опыта по части ошибок.

Девчушка. Он называл меня девчушкой. Он был моим прадедом и учил меня, как надо слушать. Слушать не только его или других людей, но и окружающий нас мир: животных, птиц, машины – или просто тишину. Иногда в жизни не бывает ничего слаще звука тишины. Впустив в себя эту тишину, обретаешь покой и концентрируешься на том, кто ты есть и в каком времени и месте находишься в данный момент. Некоторые называют это медитацией, а в последнее время говорят о практике осознанности.

Я выросла в сельском районе Новой Зеландии в кругу семьи. Это может быть и хорошо, и плохо, но такова была моя реальность, мое воспитание. Это все, что я знала. Через два фруктовых сада от дома, в котором я жила с родителями и четырьмя братьями, находился дом моих прадеда и прабабки. Я была вторым ребенком в семье, на два года и два дня моложе старшего брата. Трое мальчиков, появившихся вслед за мной, были для меня предметом досады, который следовало игнорировать. Пиронгия, место, где мы жили, нельзя назвать ни городком, ни даже деревней. Надо всем господствовала гора, давшая название этой местности. Ее склоны, лес, реки и ручьи служили мне задним двором. Именно туда я убегала, часто в компании старшего брата. В этом краю занимались молочным животноводством, и в нашей жизни главенствовали коровы. Дойка дважды в день, отёлы, коровы и быки были частью нашей ДНК. Это и по сей день мои любимые животные. Всем необходимым для питания мы обеспечивали себя сами. Если мы чего-то не выращивали, выращивал сосед, и мы обменивались фермерской продукцией. Мы также кооперировались с соседями по работам. Одно из моих теплых воспоминаний связано с пребыванием вместе с отцом на соседской ферме, где мой отец и другие местные мужчины собирались, чтобы складывать сено в кипы или сажать что-нибудь, то есть помочь там, где было нужно.

Годы спустя, посмотрев фильм «Свидетель» о жизни амишей в США, я вспомнила свое детство. Невзирая на религиозную принадлежность, сосед помогает соседу. Я ничего не имела против того, чтобы на каждых школьных каникулах меня отправляли к родственникам для помощи в работе на ферме. У меня были дядя и тетя, жившие в двух часах езды от нас, родители пяти дочерей и владельцы овцеводческой фермы. Там пол значения не имел, и мы, девушки, работали наравне с мужчинами. Верхом на лошадях мы сгоняли овец, рассеянных на тысячах акров, для купания в резервуарах с инсектицидами, после чего собирали их в загон для стрижки.

Другим моим спасением стала школа. Поскольку с первого по шестой класс у нас было всего четыре классные комнаты и менее пятидесяти учеников, друзей найти было нелегко, и дружила я как с девочками, так и с мальчиками. Большинство детей приезжали в школу на автобусе и сразу после занятий на нем же уезжали, поэтому поиграть после школы не удавалось. Мы с братьями добирались до школы пешком – к нам автобус не ходил. Огромное удовольствие доставлял мне путь до школы зимой, когда лужи на проселочной дороге покрывались льдом. Я разбивала лед каблуком ботинка и из-за этого частенько проводила остаток дня в мокрых ботинках и носках.

Мужчины были мужчинами. Женщины, в общем, были женщинами, но не такими, одной из которых мне хотелось бы стать. Ничего нет плохого в том, чтобы быть домохозяйкой и воспитывать детей, если вы этого хотите. Однако в 1950–1960-е годы женщины вроде моей матери, моих тетушек и других местных женщин изредка жаловались на свою судьбу. Они завидовали

своим мужчинам, хотя я не понимаю почему – те работали днями и вечерами и казались мне такими же грустными и неудовлетворенными, как и женщины. Единственное различие, которое я могу припомнить, – это то, что мужчины не докучали своими жалобами. Не забывайте: я жила в сельском районе Новой Зеландии и не знаю, какой была жизнь новозеландских женщин в крупных поселках и городах.

Я очень горжусь Новой Зеландией. Это первая в мире страна, где женщины получили избирательное право. С 1997 года в стране сменились три женщины премьер-министра, что является огромным достижением. Дженни Шипли и Хелен Кларк проложили дорогу нынешнему премьер-министру, Джасинде Ардерн. Джасинда воплощает в себе все необходимые лидеру черты, особенно в современных условиях пандемии COVID-19. Ее отзывчивость, человечность, способность прислушиваться к жителям своей страны делает ее объектом зависти других стран: ее видят, ее слышат, и она сама умеет слушать.

Детей надо видеть, но не надо слушать. Такого правила придерживались в моем детстве все взрослые, за исключением одного человека, моего прадеда. Как подумаешь, становится грустно, что никакие другие члены семьи не хотели выслушать нас. Если и говорили с нами, то очень мало, на ходу и, уж конечно, не давали советов и не делились мудростью. За исключением моего прадеда – и от случая к случаю, также моего спокойного, задумчивого отца, если он был в настроении и ничем не занят.

И еще была моя мать. Мне известно о том, что часто отношения матери с дочерью бывают сложными. Мои отношения с ней я назвала бы практически не существовавшими. Она заговаривала со мной только тогда, когда надо было дать какое-то поручение. Не чувствуя к себе любви, я отлынивала, отказывалась убирать со стола за братьями, приготовить им завтраки в школу. Отлынивала от выполнения домашних дел, жаловалась. Моя мать следовала примеру своей матери, моей овдовевшей бабушки, жившей напротив нас по другую сторону сельской дороги. Кузены и кузины, дяди и тети тоже жили неподалеку. Разросшаяся семья была разбросана по небольшому поселку.

Начиная с моих лет десяти мне вменили в обязанность по дороге из школы заходить в дом прадеда и прабабушки, чтобы узнать, не надо ли им чего. К этому времени моя мать уже побывала там и приготовила им еду на вечер, которую они потом разогревали. Прабабушка всегда была в доме: или возилась на кухне, или позже, когда здоровье у нее стало сдавать, лежала в кровати. Она редко разговаривала со мной, но смотрела на меня с выражением жалости. Точно так же на меня смотрели бабушка и мать. Я была девочкой. Мать много раз говорила мне, что лучше бы я родилась мальчиком, что, будучи девочкой, я обречена на тяжелый труд, на несвободу. Моим братьям повезло больше: у них, в отличие от меня, есть возможности исследовать мир.

Когда я была подростком, моя мать советовала мне больше времени проводить с одним или с двумя местными мальчиками. Я не понимала зачем, ведь я виделась с ними столько времени, сколько хотела. Мне вполне хватало одного дня общения с ними, и на следующий день мне уже было с ними неинтересно. Однажды мать сказала, что меня пригласили на обед к соседям. Мы никогда не ходили в гости на обед. Время от времени, когда мужчины работали на соседней ферме, мы собирались там семьями за общей трапезой, но меня никогда не приглашали одну на обед. На мой вопрос: зачем это? – мать ответила, чтобы я провела время с одним из сыновей и ближе познакомилась с семьей. Я знала их всю жизнь, что еще можно было узнать? Но мне велели пойти, и точка. Я поделилась сомнениями со старшим братом, близким другом того парня, и спросила, что он об этом знает. Не привыкнув ничего утаивать, он сказал мне, что наши матери хотят свести нас. Если мы поженимся, то для наших семей это будет хорошая партия. Итак, я сделала то, что мне велели, и пошла на обед в семью того парня. Его мать готовила лучше моей матери.

Но примерно через год, скопив достаточно денег, я сбежала в Австралию. Мне еще не исполнилось восемнадцати. И до тех пор, пока я не вышла замуж и не родила ребенка, моя

мать не фигурировала в моей жизни. Спасало то, что я жила в другой стране. Даже после того, как я родила еще двоих детей, защитила диплом и нашла хорошую работу, она по-прежнему обращалась ко мне в письмах как к миссис Моррис (фамилия моего мужа). У нас никогда не было доверительных разговоров о личном. Оглядываясь назад, я понимаю, как повезло мне, что в детстве у меня был человек, который разговаривал со мной: мой прадедушка.

Независимо от погоды я обычно заставляла прадедушку на задней террасе, где он сидел в большом уютном кресле, поставив ноги на скамеечку. Рядом стояло кресло прабабушки, хотя я редко видела, чтобы она в нем сидела, – наверное, это бывало днем, когда я училась в школе.

Когда я выходила из кухни на террасу, шум раздвижной двери заставлял его повернуть голову. Знаете, когда он видел меня, его лицо всегда освещалось, и он похлопает, бывало, по креслу прабабки, приглашая меня сесть. Проходило несколько минут, и только потом он заговаривал. Мы оба смотрели на задний двор с его гигантским каштаном справа, огородом слева, загоном с пасущимися коровами, надворными постройками, сараем, гаражом в глубине двора и воротами. От них начиналась тропинка, которая через два фруктовых сада вела к моему дому. Рядом с каштаном росла высоко ценяемая хурма, а потому занимающая господствующее положение в саду. По мере того как листья меняют цвет, возвещая об окончании лета, созревают плоды хурмы. Хурма бывает съедобна, если ее собирают очень спелой, почти подгнившей, а иначе она сильно вяжет рот, забирая из него всю влагу.

Так вот, хурма была любимым лакомством моей прабабушки, и прадеду вменялось в обязанность следить за тем, чтобы плоды не пропали, поскольку хурму также высоко ценили местные птицы. В период ожидаемого созревания плодов прадед привязывал к «стратегическим» ветвям бечевку и прикреплял коровий колокольчик, а другой конец этой бечевки, протянутой по заднему двору метров на сто, – к подлокотнику своего кресла на террасе. Могу лишь предположить, что на протяжении нескольких недель, когда между ним и птицами разворачивалась битва за хурму, прадед вынужден был проводить в кресле весь день. Пока, придя со школы, я сидела с ним на террасе, наш разговор часто прерывался треньканьем колокольчиков, когда прадедушка тянул за конец веревки при приближении к ветке очередной птицы. Часто он просил меня потянуть за определенную бечевку, и мы прыскали со смеху, когда я нарочно подпускала птиц слишком близко и потом они вспархивали, пересекая невидимую линию на небе. Это был точный расчет по времени. Надо ли говорить, что во время нашей кампании по защите хурмы не пострадала ни одна птица, и я была счастлива, сидя рядом с прадедушкой.

Он, единственный из всех родных, спрашивал меня: «Как прошли занятия? Стоило ходить в школу?» И независимо от того, правда это или нет, я довольно часто отвечала: «Нет, ничего нового я сегодня не узнала». Мне не хотелось рассказывать о своем дне, я ждала его рассказов, но в то же время была благодарна за то, что спрашивал, понимая, что он беспокоится за меня. Я, бывало, сажу, затаив дыхание, ожидая, когда он заговорит, когда начнется волшебство.

Часто наши вечерние встречи с прадедом проходили под девизом «Покажи и расскажи». Он заранее подготавливал какой-нибудь артефакт, о котором собирался мне рассказать. Иногда эта была ценная почтовая открытка с золотистыми листьями, выцветшим текстом, привезенная им с Англо-бурской войны, проходившей в Южной Африке. У него было копье, как он говорил мне – зулусское оружие. Он разрешал мне подержать его – наконечник был по-прежнему острым и опасным. Пока я в благоговении сжимала в руках копье – нечто причастное к истории, к столь далекому от моего дома месту, – прадедушка замолкал и устремлял взгляд на ближайший загон. Наконец прадед возвращался ко мне и, улыбнувшись, забирал у меня копье. Я спрашивала, откуда у него это оружие, но он отмалчивался, говоря только: «Это было ужасное время. Война – страшная штука».

Когда дело доходило до других предметов, относящихся к нашей истории, нашему прошлому с маори, прадед становился более разговорчивым. Эти вещи были ему подарены. И он

с удовольствием рассказывал, где, когда и кто преподнес ему их. Я понимала, что эти ценные предметы были свидетельством большой чести, оказанной прадеду, и, пока он рассказывал о каком-то из них, я осторожно держала предмет, поворачивая то одной стороной, то другой. Это завораживало. Многие из этих предметов были подарены местному музею, и я помню, как, став взрослой, видела их там, с прикрепленной к каждому картонной биркой, на которой было отмечено, что эти объекты на время предоставлены его семьей, а я тоже была его семьей.

Никто больше из нашей семьи не доверял мне ничего ценного. Когда здоровье моей прабабушки ухудшилось и она слегла, то я, будучи хорошей девочкой, заходила к ней по дороге в школу и читала заголовки из местной газеты, доставленной накануне. На ее туалетном столике лежали кое-какие украшения, одна-две броши, бусы, а в маленькой шкатулке двойная нитка жемчуга. Посидев на краю ее кровати, я вставала и, собираясь уйти, обязательно вертела жемчуг в руках. Она следила за мной, словно ястреб, каждый день повторяя одно и то же: «Не трогай мой жемчуг». Но я продолжала делать то же самое. Это было у нас своего рода игрой. Когда несколько лет спустя она умерла, моя бабушка подарила мне какую-то шкатулку со словами: «Вот, возьми, она хотела, чтобы это было у тебя». То была шкатулка с жемчугом. Я сохранила эти бусы и ношу их, заново нанизав.

Теперь я понимаю, какой смысл имеет дарение вещей и что это важный элемент, вплетенный в нашу культуру. Пока мы маленькие, для нас плюшевый медведь или мягкое одеяльце становится тем, что психологи называют переходным объектом – физическим образом родного человека, несущим в себе безопасность, заменяющим этого человека, когда его нет рядом, и помогающим ребенку заснуть одному или находиться вне дома. Позже эти объекты будут властно напоминать нам о месте или о времени. Они могут стать невероятно утешительным напоминанием о позитивном опыте – о людях, местах, воспоминаниях. У меня сохранились жемчужные бусы моей прабабушки. Но напоминают они мне не о ней, а о моем прадеде. Они стали для меня мостиком в прошлое. При общении со мной прадед пользовался своего рода условным языком – протянет мне молча какую-нибудь вещь, и я пойму, что он хочет рассказать о ней, и ему нет нужды говорить: «Рассказать тебе о том времени...» Поскольку я знала, какой он застенчивый и скромный человек, то не собиралась изводить его и просить чего-то особенного, а просто ждала. Эти вещи были ценными, в чем-то священными, и я понимала, что с ними могут быть связаны мучительные воспоминания, поэтому не торопила его, а лишь надеялась, что скоро увижу интересующие меня предметы. Я интуитивно чувствовала, что нужно дожидаться момента, когда прадедущка будет готов.

Я до сих пор ясно помню эти предметы. У него был большой струг (топор) из зеленого камня, принадлежавший маори (*токи* на их языке), и украшенный перьями плащ маори – *какаху*. Эти вещи были подарены прадедущке местным вождем племени. Прежде Пиронгия, в которой мы жили, называлась Александра. Неподалеку происходили новозеландские войны (конфликт между королевской властью и туземцами маори за владение землей). На протяжении десятилетий сохранялись сложные отношения между пакеха, жителями европейского происхождения, и маори. Но для прадеда проблемы в этом не было – он работал и жил в общинах маори, дружески относясь к жителям. Уважение было взаимным, и это помогало ему в понимании и принятии культуры маори, и он делился этими знаниями со мной. Я была частым и желанным гостем на мараэ¹ в Матакитаки-Па.

У прадедущки сохранились также два письма лорда Китченера из Южной Африки его родителям, в которых он рассказывал, как присматривал за их несовершеннолетним сыном, оказавшимся на войне, где ему было совсем не место. Должно быть, родители прадедущки, мои прапрадед и прапрабабка, очень гордились, получив это письмо, и страшно беспокоились за своего сына, находящегося на другом континенте – месте, о котором они мало что знали.

¹ Священное место, использовавшееся как в религиозных, так и в общественных целях.

Я сидела, держа в руках эти ценные вещи, и слушала. Никогда не прерывала его, если только он сам не задавал мне вопрос. Когда он спрашивал о чем-то, у меня никогда не возникало ощущения, что он пытается «подловить» меня, а такое часто бывало с учителями и родителями: «Докажи, что слушала». Когда прадед спрашивал меня, зачем, по моему мнению, британцы воевали в Южной Африке, и я отвечала: «Не знаю, не могу найти объяснений в твоём рассказе», – он улыбался, кивал и говорил: «Это потому, что я тоже не знаю, а я был там». Однажды он сказал, что надеется, что я пойму и расскажу ему. Для него было также очень важно, что я понимала суть конфликтов между маори и британцами, происходивших в нашем регионе. Британцы не имели права приходить в эту прекрасную страну, полагая, что могут завоевать ее. Он гордился маори, которые оказали сопротивление и, как он выражался, «прогнали мерзавцев» в Англию. Я всегда чувствовала, что он с уважением относится к моим ответам, никогда не критикует их. Простым кивком головы прадед давал понять, что слышит меня. Разве могла я не хотеть слушать его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.